оригинальная статья

Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе

Валентин Геннадьевич Немировский
Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень; https://orcid.org/0000-0002-4076-465X; valnemirov@mail.ru

Алексей Сергеевич Новиков
ООО «Технологии Социальных Исследований», Россия, г. Красноярск

Поступила в редакцию 08.10.2021. Принята после рецензирования 29.10.2021. Принята в печать 15.11.2021.

Аннотация: В статье представлены теоретические основы концепции доверия как феномена парасоциальных отношений. Отличительной характеристикой парасоциального отношения выступает именно его односторонняя природа, поскольку объект подобного отношения нередко может не подозревать о существовании самого субъекта. Новизна определена слабой изученностью феномена парасоциальных отношений при формировании доверия российского населения к социальным институтам власти. Невысокое, согласно многочисленным социологическим исследованиям, институциональное доверие в России, его снижение в связи с пандемией COVID-19, с одной стороны, и неизученность парасоциальных отношений населения к институтам власти – с другой, делают актуальной задачу теоретического осмысления возможных механизмов взаимодействия доверия и парасоциальных отношений к институтам. Цель статьи – теоретический анализ доверия населения институтам власти в контексте феномена парасоциальных отношений в современном российском обществе. Теоретико-методологической основой выступают концепции Р. Фальконе и К. Кастельфранчи (социокогнитивный подход), труды С. Московичи и Д. Жоделе (теория социальных представлений). Показано, что существует две формы институционального доверия: одна основана на социальных отношениях, другая опирается на парасоциальные. Делается вывод, что институциональное доверие в современной России сочетает социальную и парасоциальную формы. Они тесно взаимосвязаны, причем первая при определенных условиях может трансформироваться во вторую. Выдвинуто предположение, согласно которому дефицит социальных отношений к органам власти в российском социуме в условиях снижения институционального доверия может вести к их замещению менее устойчивыми парасоциальными отношениями, что актуализирует их дальнейшее изучение.

Ключевые слова: социальное доверие, институциональное доверие, парасоциальное взаимодействие, социальные представления, социальные институты, политические институты, пандемия COVID-19

Цитирование: Немировский В. Г., Новиков А. С. Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 4. С. 453–462. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

Введение

Проблематика доверия на протяжении многих десятилетий остается одной из центральных тем обсуждений, в частности среди социологов, не только на теоретическом уровне, но и в эмпирических исследованиях. Теоретические основы его анализа были заложены еще такими классиками мировой социологии, как Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Ф. Теннис. К изучению доверия обращались Ш. Н. Эйзенштадт, П. М. Блау, Э. Гидденс, Дж. С. Коулман, Н. Луман, А. Селигмен, Ф. Фукуяма, П. Штомпка и др.

Теме нашей статьи созвучен подход Э. Гидденса, указавшего на существование двух видов доверия, критерием для различения которых выступает тип обязательств. Одно из них – к людям – опирается на личностные обязательства, другое – к абстрактным системам («анонимным другим») – на безличностные. Если условием возникновения первого из них выступает прямое взаимодействие между людьми, то второй вид доверия носит безличный характер и реализуется вне конкретного взаимодействия [1, с. 38]. Иными словами, он корреспондируется с парасоциальными отношениями. В ряде работ оправданным является различение социальных и парасоциальных отношений, соответственно, как основанных и не основанных на социальном обмене [2–5]. В контексте данной статьи мы опираемся на классические подходы к социальному обмену, сформулированные американскими учеными Дж. К. Хомансом [6] и П. М. Блау [7]. Последний из упомянутых авторов выдвигает определение, согласно которому под социальным обменом понимаются «действия, зависящие от получаемых одними людьми от других вознаграждений и прекращающиеся с окончанием этих вознаграждений» [7, с. 77]. На наш взгляд, тема парасоциальных отношений, довольно широко исследуемая в различных дисциплинах: психологии, политологии, теории коммуникации, пока не получила должного освещения в социологии. Между тем доверие субъекта парасоциальных отношений к их объекту относится к важнейшим атрибутам этих отношений [8].

© 2021. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

Доверие в человеческом обществе является сложным феноменом, представляющим научный интерес для современных российских авторов. В статье В. Н. Давыденко и соавторов всесторонне анализируется «междисциплинарная тематика доверия в терминах "зонтичного эффекта" конкурирующих парадигм и подходов» [9, с. 128]. Глубоко и системно исследуется доверие в работах И. В. Антоненко [10–11], которая рассматривает его в контексте процессов взаимодействия внутри системы социальных взаимоотношений: «степень доверия напрямую определяет качество взаимодействия, его эффективность и, значит, результат. А результат взаимодействия, в свою очередь, влияет на стороны взаимодействия. Если взаимодействия между субъектом и объектом продолжаются, то на их основе складывается и развивается система взаимоотношений и социальных практик, в основе которых лежит достигнутый уровень доверия, но которое постепенно "обрастает" множеством других отношений (позитивных, нейтральных или негативных) в зависимости от степени доверия / недоверия» [12, с. 101–102].

Одним из важнейших аспектов доверия является институциональное доверие, в том числе доверие институтам власти. Можно согласиться с И. Н. Шориной, определяющей его как «доверие к макросоциологическим структурам в обществе, которое возникает под влиянием экономических, политических и социокультурных процессов» [13, с. 272]. Исследования, проведенные М. Сасаки и соавторами, свидетельствуют: «Институциональное доверие обеспечивает социальную стабильность общества в целом. Высокое институциональное доверие способствует социально-политической активности и позитивному отношению к действующим политикам и социальным организациям» [14, с. 24].

Давняя традиция институциональных исследований и возникший на ее основе неоинституционализм (Г. Спенсер, Д. Э. Дюркгейм, М. Вебер, Д. С. Норт, Ю. Хабермас, Т. Парсонс, Т. Лукман, П. Л. Бергер и др.) породили различные подходы к пониманию социальных институтов, при этом анализ специфики существующих институциональных подходов не входит в задачу данной статьи. На наш взгляд, социальные институты можно определить как устойчивые формы жизнедеятельности людей, закрепленные в юридических, моральных нормах и традициях. Одним из основных видов социальных институтов выступают политические институты, обеспечивающие функционирование политической системы общества.

Система органов власти (выступающих как политические институты, а конкретнее – институты власти) в нашей стране определяется Конституцией РФ и законодательством РФ. В качестве институтов власти мы рассматриваем не только систему органов государственной власти (Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ, суды РФ), но и органы власти, создаваемые ими на федеральном и региональном уровнях, а также разнообразные модели органов местного самоуправления. Наконец, нельзя оставить без внимания институт политического лидерства, который в современных обществах выступает одним из ключевых институтов власти. По справедливому замечанию Н. С. Горбачевой, «в рамках неоинституционального подхода осуществляется оптимальное исследование национального политического лидерства: он подразумевает под политическим лидерством особый политический институт, то есть своеобразную модель социальных отношений, которая находит отражение в политических связях, персонификации политики, а также артикуляции интересов социальных групп» [15, с. 21].

Как российскими, так и зарубежными учеными всесторонне анализируются различные социальные, экономические, социально-политические и социокультурные факторы, определяющие доверие населения к институтам власти (институциональное доверие), в частности к государству [4; 8; 10–12; 16–26]. Весьма активно изучаются состояние и динамика социального доверия населения России. Однако рассмотрение парасоциальных отношений как фактора социального доверия остается вне рамок социологических исследований.

Аксиоматичным в социально-политических науках является тот факт, что уровень институционального доверия непосредственно сопряжен с наличием обратной связи в механизме госуправления и с возможностью граждан оказывать влияние на действия органов государственной власти. При этом по результатам исследований, проведенных РГГУ в июне 2020 г. (n=1900), выявлено, что более 90 % респондентов дали отрицательный ответ на вопрос *Можете ли вы влиять на принятие государственных решений в стране / принятие решений республиканской, краевой, областной власти?*[1] Приведенные данные характеризуют не только состояние морально-психологической атмосферы в российском обществе, но и эффективность социального управления в государстве. Подчеркнем, что возможность влиять на действия органов власти – признак социальных отношений, невозможность – парасоциальных, которые мало изучены в данном ракурсе с позиций социологии.

Отметим, что на уровне институционального доверия в нашей стране негативно сказались последствия пандемии коронавируса. Так, по результатам «опроса, проведенного экспертами компании Online Market Intelligence (OMI) и центра социального проектирования "Платформа", <…> уровень доверия к институтам государства и вера в то, что оно готово прийти на помощь

[1] Тощенко Ж. Т. Российские парадоксы: многообразие и безобразия // Независимая газета. 22.06.2020. Режим доступа: https://www.ng.ru/scenario/2020-06-22/9_7891_paradoxes.html (дата обращения: 01.10.2021).

гражданам, за время пандемии коронавируса снизились у 61 % россиян»[2].

Согласно выводам М. О. Макушевой и Т. А. Нестик, «Вызванный пандемией кризис обострил в российском обществе проблему доверия – межличностного, обобщенного, институционального». В процессе опросов, проводившихся в апреле – мае 2020 г., учеными «фиксировался низкий и снижающийся уровень доверия официальной информации о коронавирусе, низкий уровень доверия социальным институтам – государству, СМИ, здравоохранению и науке» [27, с. 428]. Таким образом, в условиях негативных последствий пандемии обострились проблемы доверия со стороны населения страны к институтам власти. Актуальность анализа проблематики парасоциальных отношений в современной ситуации отмечают и зарубежные авторы. Например, исследования свидетельствуют о значительно более активном обращении к социальным сетям в условиях карантина, когда население ищет утешение с помощью парасоциальных и ограниченных социальных средств. По мнению К. Л. Яржины, эту ситуацию можно использовать как идеальную для анализа парасоциальных отношений [28].

Итак, невысокое институциональное доверие в России, его снижение в связи с пандемией COVID-19, с одной стороны, и неизученность парасоциальных отношений населения к институтам власти – с другой (при их несомненном присутствии, о чем свидетельствует невозможность населения влиять на действия ряда институтов власти), делают актуальной задачу теоретического осмысления возможных механизмов взаимодействия доверия и парасоциальных отношений к этим институтам. Соответственно, цель статьи – теоретический анализ социального доверия населения институтам власти в качестве феномена парасоциальных отношений в современном российском обществе.

Феномен парасоциального отношения и доверие как его атрибут

Термин *парасоциальное отношение* был впервые использован Д. Хортоном и Р. Р. Уолом[3] в работе «Массовая коммуникация и парасоциальное взаимодействие: наблюдения за близостью на расстоянии» для характеристики взаимодействия зрителя и героя телевизионных программ [3]. «Важным компонентом парасоциального отношения является именно его односторонняя природа. Зритель сопереживает герою телефильма и с интересом следит за его приключениями, что порождает заметную эмоциональную включенность, но никакого социального обмена между зрителем и героем не происходит. Помимо односторонней природы, можно отметить эмоциональную насыщенность парасоциальных отношений. Это вряд ли можно отрицать – несмотря на фактическое отсутствие социального обмена, любое телевизионное шоу, прежде всего, вовлекает зрителя эмоционально» [29, с. 18].

О широкой распространенности парасоциальных отношений населения к органам власти свидетельствует наш опыт применения для их изучения качественных социологических методов: фокус-групп и глубинных интервью. В одной из наших работ на основе проведения глубинного фокус-группового интервью в регионах Сибирского Федерального округа в 2007–2018 гг. по единой методике (выборочная совокупность – 758 человек, количество фокус-групп – 84) была обоснована гипотеза, в соответствии с которой «отношение к власти в действительности является не социальным отношением, а парасоциальным» [29, с. 18] (см. также [30, с. 67]).

Тематика институционального доверия широко представлена в исследованиях как отечественных [13; 14; 16–19; 31], так и зарубежных [4; 8; 20–22; 24–26] авторов. В частности, Э. М. Усланер, анализируя многофакторность доверия, показывает, что существуют четкие различия между общим доверием, частным доверием и доверием к институтам [26]. В работе М. Леви и Л. Стокер приводится подробный обзор исследований, основанных на опросах граждан об их отношении к правительству и политикам, а также исторических и сравнительных исследований конкретных ситуаций в области институционального доверия. Авторы более подробно рассматривают четыре темы [8]:

1) политическое доверие и участие в политической жизни;
2) политическое доверие, общественное мнение и голосование;
3) политическое доверие и заслуживающее доверия правительство;
4) взаимосвязь политического и социального доверия.

Доверие населения к институтам власти во многом формируется как за счет непосредственного взаимодействия с ними, прямой оценки их деятельности в процессе социальных отношений, так и опосредованно (с помощью СМИ и Интернета). И чем выше уровень института, тем больше степень опосредованности взаимодействия с ним населения, соответственно, тем большее значение для формирования доверия играют отношения населения к институту, осуществляемые посредством СМИ и Интернета (т. е. парасоциальные отношения). Например, если с представителями органов местного самоуправления человек может быть знаком лично, встречаться на каких-либо мероприятиях (в процессе исполнения ими должностных функций), то с руководителями высших органов государственной власти он взаимодействует, как правило, односторонне (в процессе их выступлений

[2] Галимова Н., Гордеев В. За время пандемии уровень доверия к государству упал у 61 % россиян // РБК. Режим доступа: 26.05.2020. https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327 (дата обращения: 01.10.2021).

[3] Фамилия Уол имеет разное написание в научной литературе (Вол, Воль). Такой вариант перевода предложен авторами статьи.

ВЕСТНИК
Кемеровского государственного университета
полититические, социологические и экономические науки
https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

в СМИ и Интернете). Так, К. Калхун оценивает отношения, реализуемые через Интернет, как парасоциальные: «технологическая опосредованность и физическая непредставленность участников сообщества создают лишь иллюзию близости, между тем настоящие сообщества могут формироваться лишь на основе социальных интеракций лицом к лицу» [32, с. 107].

В контексте исследуемой темы существенно, что парасоциальная теория рассматривает эмоциональную связь людей с политическими фигурами как форму парасоциальных отношений. При этом исследования М. А. Хакима показывают, что парасоциальные отношения с политиками (PSRs) – это устойчивая, долгосрочная, обычно позитивная односторонняя форма отношений; «интимность», которая может развиться по отношению и к другим общественным деятелям: знаменитостям или спортсменам [33].

Доверие субъекта парасоциальных отношений к их объекту выступает одним из центральных элементов этих отношений. Неслучайно исследование, осуществленное Дж. Коэном и Р. Л. Холбертом, определяет способность парасоциальных отношений прогнозировать на этой основе поддержку политических кандидатов и выборных должностных лиц. Так, опираясь на результаты опроса более 2000 взрослых респондентов в США в мае 2017 г., авторы заключили, что парасоциальные отношения оказываются мощным предиктором поддержки Д. Трампа, опережающим все другие факторы (включая поведение в прошлом голосовании 2016 г.) [34].

Как видим, согласно ряду исследований, существенную роль в парасоциальных отношениях к органам власти играет доверие, в данном случае – институциональное доверие. Таким образом, отношение населения к институтам власти, в том числе к институту политических лидеров, в современном российском обществе в ряде случаев можно рассматривать как парасоциальное. Подчеркнем, что последнее предполагает доверие индивида субъекту власти.

Уровни анализа социального доверия как феномена парасоциальных отношений на основе модели Р. Фальконе и К. Кастельфранчи

Для рассмотрения институционального доверия в контексте парасоциальных отношений представляется перспективным использовать различные уровни анализа, в частности выделяемые в соответствии с теорией структурации Э. Гидденса [35]. Как минимум, можно предположить различную природу и механизмы социального доверия, функционирующие на микро- и макроуровнях. С этой точки зрения представляет интерес модель анализа доверия, примененная в работе Р. Фальконе и К. Кастельфранчи. Авторы используют социокогнитивный подход, в котором разделяют три аспекта доверия:

- диспозициональный (установочный) аспект;
- аспект принятия решений (решение стать «уязвимым»);
- поведенческий аспект (акт доверия как последовательно развивающееся отношение между доверяющим и тем, кому доверяют) [36].

Аспект «уязвимости» имеет значение для психологического анализа межличностных взаимоотношений. Для социологического анализа больший интерес представляют два других аспекта: ***диспозициональный*** и ***поведенческий***. В социологии ***поведенческий аспект*** доверия нередко называют *межличностным*. Этот аспект рассматривается авторами работы как *ситуативное доверие* в рамках взаимодействия отдельных субъектов. ***Диспозициональный аспект*** выступает как своеобразный *социальный фон*, регулирующий общую вероятность проявления доверия. Вслед за итальянскими исследователями можно предполагать, что диспозициональный и поведенческий аспекты доверия связаны между собой, но их формирование и проявления атрибутируются различным уровням социальной системы.

Мы считаем корректной атрибуцию ***поведенческого доверия*** микроуровню *социальных взаимодействий*. Субъект (личность или группа) на микроуровне вступает в ряд основанных на обмене социальных взаимодействий, в каждом из которых он принимает отдельное решение о доверии другой стороне. Доверие здесь является во многом ситуативным и зависит от контекста, от самой ситуации, в которой разворачивается взаимодействие. Контекст в данном случае эквивалентен условиям совершающегося социального обмена. Многие наши взаимоотношения на микроуровне опосредованы, например, деньгами (или обобщенным эквивалентом труда). Поскольку мы находимся в рамках цепей взаимообмена, доверие выступает эпифеноменом такого устройства отношений. Повторяющиеся успешные взаимообмены рождают социальное доверие.

В то же время цепь обменов на макроуровне ускользает от внимания микросубъекта (субъекта, действующего на социальном микроуровне: малой группы или личности). Примером является отношение личности к социальным институтам власти, которое обычно характеризуется двумя чертами:

1) сложно вербализуется и сложно концептуализируется за пределами простой бинарной оппозиции в терминах *хорошо / плохо;*
2) не описывается в терминах отношений обмена (причем обеими его сторонами).

Ни в одном из этих случаев нет в чистом смысле слова отношения обмена. Со стороны избирателя власть описывается как *нравящаяся* либо *ненравящаяся*. Со стороны власти население описывается как *лояльное* либо *протестное* или *оппозиционное*. При этом стороны не вступают в отношения социального взаимодействия. Это подтверждается результатами электоральных исследований, где общим местом является поддерживаемый избирателями тезис: «они (власть) для нас ничего не делают, на нашу жизнь никак не влияют». Хотя индикаторы могут быть

разными, исследовательская стратегия – качественной и количественной, в целом определенное снижение доверия населения к власти фиксируется в ряде электоральных исследований в отношении органов государственного и муниципального управления[4]. На значимость данной проблематики указывает и тот факт, что тема одного из номеров журнала «Политическая наука» – «Выборы и электоральные исследования» (11 статей) [38].

Итак, обозначим методологические тезисы, существенные для понимания доверия к органам власти как феномена парасоциальных отношений:

1. Воспроизведенное в примере выше отношение является отношением микросубъекта (отдельного избирателя) к макросубъекту (институту власти).
2. В таком отношении макросубъект неизбежно персонифицируется, при этом низводится микросубъектом до близкого ему уровня.
3. Макросубъект неизбежно теряет в сознании микросубъекта социальное качество, поскольку непосредственно характеризующие его отношения на микроуровне не существуют.

Обоснованное возражение к первому тезису заключается в том, что микросубъект (отдельный избиратель) в социологическом исследовании должен репрезентировать некоторый социальный слой, группу. Однако на практике такая репрезентация представляет собой не действительное, а желаемое положение дел. Любой респондент (особенно в качественном исследовании) всегда действует исходя из личной ситуации.

Макросубъект персонифицируется потому, что иначе он не может быть понят и описан микросубъектом в рамках актуальной картины социальных отношений. Для избирателя нет власти как таковой. Есть президент, районный депутат, сотрудник районной налоговой инспекции и т. д., к которым избиратель испытывает определенные отношения. И в момент ответа на вопрос исследователя об отношении к власти избиратель реконструирует, осознает и вербализует не всю картину этих отношений, а одно или несколько из них.

Об аналогичной персонификации отношения пишут, например, С. Московичи [39] и Д. Жоделе [40], разрабатывавшие теорию социальных представлений. По их мнению, персонификация является непременным этапом в становлении социального представления. Это означает, что любые отношения персонифицируются респондентом через микроуровень. Даже отношение к макросубъектам в рамках исследовательской процедуры репрезентируется как ряд простейших диадных взаимодействий.

Картина отношений *избиратель – власть* не рефлексируется избирателем хотя бы потому, что *избиратель* никак не взаимодействует с собственно *властью*. Он участвует в ряде социальных взаимодействий с конкретными субъектами. Для того, чтобы сформулировать отношение к власти, ему нужно обобщить опыт целого ряда взаимодействий, после чего сопоставить этот обобщенный опыт со своим представлением о власти.

Во взаимодействии микро- и макросубъектов *институциональное доверие* является не результатом отношений, а их предпосылкой. Формируется оно из следующего рассуждения: «Этот политик похож на меня, поэтому я ему доверяю». На микроуровне (в «рыночном» случае) *межличностное доверие* работает иначе: «Я много раз покупал мясо у знакомого мясника, он не продает мне тухлятину, поэтому я ему доверяю». На основании вышесказанного можно выделить следующие социальные механизмы институционального доверия:

- ***социальные отношения (микроуровень):*** сначала успешный социальный обмен (желательно не один), потом доверие;
- ***парасоциальные отношения (макроуровень):*** сначала сходство (или «эмоциональное зацепление» в терминологии Д. Жоделе), потом доверие, затем обмен (не являющийся при этом необходимым). Или фиксация непохожести, недоверие и никакого обмена (но все равно существующее парасоциальное отношение).

Заключение

Опора на теорию структурации Э. Гидденса и сформулированное им представление о двух видах доверия, концепции социального обмена Дж. К. Хоманса и П. М. Блау, работы Р. Фальконе и К. Кастельфранчи, использующих социокогнитивный подход, концепции С. Московичи и Д. Жоделе о социальных представлениях дают возможность осуществить теоретический анализ доверия к институтам власти как феномену парасоциальных отношений. В результате проведенного анализа выявлено существование двух форм институционального доверия, различаюшихся по своим социальным механизмам:

1) ранее не изучавшееся в отечественной социологии институциональное доверие как *парасоциальный* конструкт (некое базовое доверие, которое не исходит из социального взаимодействия, оно «просто есть»);
2) глубоко изученное институциональное доверие, основанное на *социальных* отношениях (в большинстве случаев являющееся результатом ряда успешных социальных взаимодействий).

Если в первом случае влияние СМИ и Интернета является ведущим в формировании институционального доверия как парасоциального конструкта, то во втором его также нельзя исключать, однако первичны социальные отношения. Таким образом, институциональное доверие в современной России сочетает парасоциальную

[4] Политические индикаторы // Доминанты. 21.02.2019. № 7. С. 2–13. Режим доступа: https://bd.fom.ru/pdf/d07pi2019.pdf (дата обращения: 01.10.2021); СоциоДиггер / гл. ред. А. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2021. Т. 2. № 7. С. 74–100; см. также [37].

и социальную формы. Они тесно взаимосвязаны, причем первая при определенных условиях может трансформироваться во вторую. Например, когда в начале пандемии COVID-19 имела место недостаточная готовность ряда медучреждений и некоторых региональных органов власти к работе в этой ситуации, *парасоциальная* составляющая отношения к данным социальным институтам в процессе более тесного взаимодействия населения с результатами их деятельности превращалась в *социальные* отношения. В случае падения институционального доверия со стороны граждан возможно нарастание протестного потенциала по отношению к тем институтам, с которыми они уже находятся в социальных отношениях. При этом есть основания предполагать, что дефицит *социальных* отношений может вести к их замещению *парасоциальными* [28]. Это свидетельствует о важности дальнейшего изучения социальных механизмов доверия к социальным институтам власти в контексте парасоциальных отношений и разработки социологической концепции институционального доверия как феномена парасоциальных отношений.

Безусловно, для более глубокой эмпирической обоснованности сделанных нами выводов необходимо проведение серьезных социологических исследований с использованием как качественной, так и количественной стратегий.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. 352 с.
2. Giles D. C. Parasocial interaction: a review of the literature and a model for future research // Media Psychology. 2002. Vol. 4. № 3. P. 279–305. https://doi.org/10.1207/S1532785XMEP0403_04
3. Horton D., Wohl R. R. Mass communication and para-social interaction: observations on intimacy at a distance // Psychiatry. 1956. Vol. 19. № 3. P. 215–229. https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049
4. Mishler W., Rose R. What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-Communist societies // Comparative Political Studies. 2001. Vol. 34. № 1. P. 30–62. https://doi.org/10.1177/0010414001034001002
5. Perse E. M., Rubin R. B. Attribution in social and parasocial relationships // Communication Research. 1989. Vol. 16. № 1. P. 59–77. https://doi.org/10.1177/009365089016001003
6. Homans G. C. Social behavior: its elementary forms. N. Y.; Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc., 1961. 404 p.
7. Blau P. M. Exchange and power in social life. N. Y.: John Wiley & Sons, 1964. 352 p.
8. Levi M., Stoker L. Political trust and trustworthiness // Annual Review of Political Science. 2000. Vol. 3. P. 475–507. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.3.1.475
9. Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф., Андрианова Е. В., Лазутина Д. В. Метафора доверия: «зонтичный эффект» в мировой науке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 127–142. https://doi.org/10.15838/esc.2018.6.60.8
10. Антоненко И. В. Социально-психологическое исследование феномена доверия в сфере деловых отношений. М.: ГУУ, 2003. 51 с.
11. Антоненко И. В. Социально-психологическая концепция доверия. М.: Флинта; Наука, 2006. 479 с.
12. Антоненко И. В. Социальная психология доверия // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2. С. 99–104.
13. Шорина И. Н. Институциональное доверие в современном российском обществе (региональный аспект) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 8. С. 271–274.
14. Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С., Латова Н. В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1. № 1. С. 20–35.
15. Горбачева Н. С. Методология исследования политического лидерства // Философия права. 2015. № 5. С. 18–22.
16. Вахтина М. А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Журнал институциональных исследований. 2011. Т. 3. № 3. С. 57–65.
17. Кобелева Х. А. Институциональное доверие в современной России через призму политического генотипа // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2016. № 1. С. 51–53.
18. Максимова С. Г., Морковкина А. Г. Межличностное и институциональное доверие как социальный капитал гражданского общества в различных по социально-экономическому развитию регионах Российской Федерации // Политика и общество. 2017. № 4. С. 121–133. https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.4.19848
19. Доверие институтам: основные факторы и социально-политический контекст // Российское общество и вызовы времени / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. Кн. 5. С. 168–187.
20. Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Regulation and distrust // The Quarterly Journal of Economics. 2010. Vol. 125. № 3. P. 1015–1049. https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1015

21. Dalton R. J. The social transformation of trust in government // International Review of Sociology. 2005. Vol. 15. № 1. P. 133–154. https://doi.org/10.1080/03906700500038819
22. Drakos K., Kallandranis C., Karidis S. Determinants of trust in institutions: survey-based evidence from the European Union. Regent's Working Papers in Business & Management. London: Regent's University London, 2016. Working Paper 1607: RWPBM1607. 24 p.
23. Freitag M., Traunmüller R. Spheres of trust: an empirical analysis of the foundations of particularised and generalised trust // Europian Journal of Politikal Research. 2009. Vol. 48. № 6. P. 782–803. https://dx.doi.org/10.1111/j.1475-6765.2009.00849.x
24. Christensen T., Lægreid P. Trust in government: the relative importance of service satisfaction, political factors, and demography // Public Performance & Management Review. 2005. Vol. 28. № 4. P. 487–511. https://doi.org/10.1080/15309576.2005.11051848
25. Tanny T. F., Al-Hossienie C. A. Trust in government: factors affecting public trust and distrust // Jahangirnagar Journal of Administrative Studies. 2019. № 12. P. 49–63.
26. Uslaner E. M. The moral foundation of trust // SSRN Electronic Journal. 2002. Ch. 3. 52 p. https://doi.org/10.2139/ssrn.824504
27. Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770
28. Jarzyna C. L. Parasocial interaction, the COVID-19 quarantine, and digital age media // Human Arenas. 2021. Vol. 4. № 3. P. 413–429. https://doi.org/10.1007/s42087-020-00156-0
29. Новиков А. С. Отношение к власти как парасоциальное отношение (опыт качественных социологических исследований в сибирских регионах) // Siberian Socium. 2018. Т. 2. № 2. С. 12–21. https://doi.org/10.21684/2587-8484-2018-2-2-12-21
30. Новиков А. С. Эмоциональные процессы в парасоциальных отношениях: возможности социологических исследований // Siberian Socium. 2019. Т. 3. № 3. С. 65–73. https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73
31. Гужавина Т. А. Доверие как форма поддержки социальных институтов // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 4. С. 40–53. https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-03
32. Calhoun C. Indirect relationships and imagined communities: large-scale social integration and the transformation of everyday life // Social Theory for a Changing Society / eds. P. Bourdieu, J. Coleman, 1st ed. Boulder: Westview Press, 1991. P. 95–130. https://doi.org/10.4324/9780429306440-4
33. Hakim M. A. Measuring the feeling of distant intimacy with political figures across cultures: development, construct validity, factor replicability, and measurement invariance of parasocial relationship with political figures (PSR-P) scale // Harvard Dataverse. 2018. https://doi.org/10.7910/DVN/F3KS7M
34. Cohen J., Holbert R. L. Assessing the predictive value of parasocial relationship intensity in a political context // Communication Research. 2018. Vol. 48. № 4. P. 501–526. https://doi.org/10.1177/0093650218759446
35. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Акад. проект, 2005. 528 с.
36. Falcone R., Castelfranchi C. Trust dynamics: how trust is influenced by direct experiences and by trust itself // Autonomous Agents and Multi-Agent Systems: Proc. 3rd Intern. Joint Conf. (New York, 19–23 Jul 2004) N. Y., 2004. Vol. 2. P. 740–747. https://doi.org/10.1109/AAMAS.2004.286
37. Злотковский В. И. Муниципальные выборы в крупном сибирском регионе в зеркале социолого-политологического анализа (2005–2020 гг.) // Siberian Socium. 2021. Т. 5. № 2. С. 78–91. https://doi.org/10.21684/2587-8484-2021-5-2-78-91
38. Политическая наука / гл. ред. Е. Ю. Мелешкина. М.: ИНИОН РАН, 2019. № 1. С. 13–205, 244–252. https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.00
39. Moscovici S. The history and actuality of social representations // The Psychology of the Social / ed. U. Flick. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 209–247.
40. Jodelet D. Social representations: the beautiful invention // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2008. Vol. 38. № 4. P. 411–430. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2008.00383.x

BULLETIN
Kemerovo State University
Political, Sociological, Economic

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

original article

People's Trust in Authorities as a Phenomenon of Parasocial Relations in Modern Russian Society

Valentin G. Nemirovsky
University of Tyumen, Russia, Tyumen; https://orcid.org/0000-0002-4076-465X; valnemirov@mail.ru

Aleksey S. Novikov
Technologies for Social Research, Russia, Krasnoyarsk

Received 8 Oct 2021. Accepted after peer review 29 Oct 2021. Accepted for publication 15 Nov 2021.

Abstract: The article features the concept of trust as a phenomenon of parasocial relations. Parasocial relationship is one-sided because its object is sometimes unaware of its subject. The phenomenon of people's trust in social institutions still remains largely understudied. The research was based on the sociocognitive approach developed by R. Falcone and C. Castelfranchi and the theory of social representations by S. Moscovici and D. Jodelet. In Russia, population's trust in authorities has always been low, and the COVID-19 pandemic is affecting it even more. The study revealed two forms of institutional trust, one based on social relations and the other based on parasocial relations. The institutional trust in modern Russia combines social and parasocial forms. They are closely interconnected, and the first can transform into the second. The deficit of social relations between Russian population and authorities in the conditions of declining institutional trust may lead to their replacement by less stable parasocial relations.

Keywords: social trust, institutional trust, parasocial interaction, social representations, social institutions, political institutions, COVID-19 pandemic

Citation: Nemirovsky V. G. Novikov A. S. People's Trust in Authorities as a Phenomenon of Parasocial Relations in Modern Russian Society. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(4): 453–462. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

Conflicting interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Giddens A. *The Consequences of Modernity*, tr. Olkhovikov G. K., Kibalchich D. A. Moscow: Praksis, 2011, 352. (In Russ.)
2. Giles D. C. Parasocial interaction: a review of the literature and a model for future research. *Media Psychology*, 2002, 4(3): 279–305. https://doi.org/10.1207/S1532785XMEP0403_04
3. Horton D., Wohl R. R. Mass communication and para-social interaction: observations on intimacy at a distance. *Psychiatry*, 1956, 19(3): 215–229. https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049
4. Mishler W., Rose R. What are the origins of political trust? Testing institutional and cultural theories in post-Communist societies. *Comparative Political Studies*, 2001, 34(1): 30–62. https://doi.org/10.1177/0010414001034001002
5. Perse E. M., Rubin R. B. Attribution in social and parasocial relationships. *Communication Research*, 1989, 16(1): 59–77. https://doi.org/10.1177/009365089016001003
6. Homans G. C. *Social behavior: its elementary forms*. N. Y.; Burlingame: Harcourt, Brace & World Inc., 1961, 404.
7. Blau P. M. *Exchange and power in social life*. N. Y.: John Wiley & Sons, 1964, 352.
8. Levi M., Stoker L. Political trust and trustworthiness. *Annual Review of Political Science*, 2000, 3: 475–507. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.3.1.475
9. Davydenko V. A., Romashkina G. F., Andrianova E. V., Lazutina D. V. Metaphor for trust: the "umbrella effect" in global science. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, 11(6): 127–142. (In Russ.) https://doi.org/10.15838/esc.2018.6.60.8
10. Antonenko I. V. *Socio-psychological study of the phenomenon of trust in the field of business relations*. Moscow: GUU, 2003, 51. (In Russ.)
11. Antonenko I. V. *The socio-psychological concept of trust.* Moscow: Flinta; Nauka, 2006, 479. (In Russ.)
12. Antonenko I. V. Social psychology of trust. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, 2014, (11-2): 99–104. (In Russ.)
13. Shorina I. N. Institutional trust in modern Russian society (regional aspect). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2013, (8): 271–274. (In Russ.)

© 2021. The Author(s). This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

14. Sasaki M., Davydenko V. A., Latov Yu. V., Romashkin G. S., Latova N. V. Problems and paradoxes of institutional trust as an element of social capital in modern Russia analysis. *Journal of Institutional Studies*, 2009, 1(1): 20–35. (In Russ.)
15. Gorbacheva N. S. Research methodology of political leadership. *Philosophy of law,* 2015, (5): 18–22. (In Russ.)
16. Vakhtina M. A. Trust the state as an important factor of increasing its efficiency. *Journal of Institutional Studies,* 2011, 3(3): 57–65. (In Russ.)
17. Kobeleva Ch. A. Institutional trust in contemporary Russia through the prism political genotype. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Istoriia. Politologiia. Sotsiologiia*, 2016, (1): 51–53. (In Russ.)
18. Maximova S. G., Morkovkina A. G. Interpersonal and institutional trust as the social capital of civil society in various regions of the Russian Federation in terms of socio-economic development. *Politika i obshchestvo*, 2017, (4): 121–133. (In Russ.) https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.4.19848
19. Trust in institutions: key factors and socio-political context. *Russian society and challenges of the time*, eds. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. Moscow: Ves Mir, 2017, book 5, 168–187. (In Russ.)
20. Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Regulation and distrust. *The Quarterly Journal of Economics*, 2010, 125(3): 1015–1049. https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1015
21. Dalton R. J. The social transformation of trust in government. *International Review of Sociology*, 2005, 15(1): 133–154. https://doi.org/10.1080/03906700500038819
22. Drakos K., Kallandranis C., Karidis S. *Determinants of trust in institutions: survey-based evidence from the European Union. Regent's Working Papers in Business & Management.* London: Regent's University London, 2016. Working Paper 1607: RWPBM1607, 24.
23. Freitag M., Traunmüller R. Spheres of trust: an empirical analysis of the foundations of particularised and generalised trust. *Europian Journal of Politikal Research*, 2009, 48(6): 782–803. https://dx.doi.org/10.1111/j.1475-6765.2009.00849.x
24. Christensen T., Lægreid P. Trust in government: the relative importance of service satisfaction, political factors, and demography. *Public Performance & Management Review*, 2005, 28(4): 487–511. https://doi.org/10.1080/15309576.2005.11051848
25. Tanny T. F., Al-Hossienie C. A. Trust in government: factors affecting public trust and distrust. *Jahangirnagar Journal of Administrative Studies*, 2019, (12): 49–63.
26. Uslaner E. M. The moral roundation of trust. *SSRN Electronic Journal*, 2002, ch. 3, 52. https://doi.org/10.2139/ssrn.824504
27. Makusheva M. O., Nestik T. A. Socio-psychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, (6): 427–447. (In Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770
28. Jarzyna C. L. Parasocial interaction, the COVID-19 quarantine, and digital age media. *Human Arenas*, 2021, 4(3): 413–429. https://doi.org/10.1007/s42087-020-00156-0
29. Novikov A. S. Attitude to power as a parasocial attitude (the experience of qualitative sociological research in the Siberian regions). *Siberian Socium*, 2018, 2(2): 12–21. (In Russ.) https://doi.org/10.21684/2587-8484-2018-2-2-12-21
30. Novikov A. S. Emotional processes in parasocial relationships: the possibilities of sociological studies. *Siberian Socium,* 2019, 3(3): 65–73. (In Russ.) https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73
31. Guzhavina T. A. Trust as a form of support for social institutions. *Society and Security Insights*, 2019, 2(4): 40–53. (In Russ.) https://doi.org/10.14258/ssi(2019)4-03
32. Calhoun C. Indirect relationships and imagined communities: large-scale social integration and the transformation of everyday life. *Social Theory for a Changing Society*, eds. Bourdieu P., Coleman J., 1st ed. Boulder: Westview Press, 1991, 95–130. https://doi.org/10.4324/9780429306440-4
33. Hakim M. A. Measuring the feeling of distant intimacy with political figures across cultures: development, construct validity, factor replicability, and measurement invariance of parasocial relationship with political figures (PSR-P) scale. *Harvard Dataverse*, 2018. https://doi.org/10.7910/DVN/F3KS7M
34. Cohen J., Holbert R. L. Assessing the predictive value of parasocial relationship intensity in a political context. *Communication Research*, 2018, 48(4): 501–526. https://doi.org/10.1177/0093650218759446
35. Giddens A. *The organization of society: an essay on the theory of structuration*, 2nd ed. Moscow: Akad. proekt, 2005, 528. (In Russ.)
36. Falcone R., Castelfranchi C. Trust dynamics: how trust is influenced by direct experiences and by trust itself. *Autonomous Agents and Multi-Agent Systems:* Proc. 3rd Intern. Joint Conf., New York, 19–23 Jul 2004. N. Y., 2004, vol. 2, 740–747. https://doi.org/10.1109/AAMAS.2004.286
37. Zlotkovskij V. I. The municipal elections in the Krasnoyarsk Territory in 2005–2020 as reflected in a socio-political analysis. *Siberian Socium*, 2021, 5(2): 78–91. (In Russ.) https://doi.org/10.21684/2587-8484-2021-5-2-78-91

38. *Political science*, ed. Meleshkina E. Yu. Moscow: INION RAN, 2019, iss. 1, 13–205, 244–252. (In Russ.) https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.00
39. Moscovici S. The history and actuality of social representations. *The Psychology of the Social,* ed. Flick U. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, 209–247.
40. Jodelet D. Social representations: the beautiful invention. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 2008, 38(4): 411–430. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2008.00383.x